

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 126–138.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 126–138.

ПРАВО / LAW

Научная статья

УДК 343.337.4.06(470+571):341.322.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/126-138>

**Имплементация международных норм,
устанавливающих ответственность за применение
запрещенных средств и методов ведения войны,
в уголовное законодательство Российской Федерации**

Сергей Юрьевич Мироненко ✉

Донбасский государственный университет юстиции

Донецк, Российская Федерация

✉ mironenko-2009@mail.ru

Аннотация. При исследовании состава преступления применения запрещенных средств и методов ведения войны особое значение имеет вопрос имплементации международных норм в этой области в национальное уголовное законодательство Российской Федерации. Определение порядка реализации международных обязательств является проявлением национального суверенитета и относится к внутренней компетенции самого государства. Имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации представляет собой фактическое воплощение международных обязательств на национальном уровне. Анализ редакции статьи 356 УК РФ позволяет сделать вывод, что в данном случае была проведена специальная рецепция международно-правовых положений об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Российская Федерация имплементирует международные нормы в сфере противодействия военным преступлениям путем их непосредственного включения в национальное уголовное законодательство.

Ключевые слова: военные преступления, применение запрещенных средств и методов ведения войны, международные нормы, имплементация

Для цитирования: Мироненко С.Ю. Имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 126–138.

Original article

Implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation

Sergey Yu. Mironenko

Donbass State University of Justice

Donetsk, Russian Federation

✉ mironenko-2009@mail.ru

Abstract. When studying the corpus delicti of the use of prohibited means and methods of warfare, the issue of the implementation of international norms in this area into the national criminal legislation of the Russian Federation is of particular importance. Determining the procedure for the implementation of international obligations is a manifestation of national sovereignty and relates to the internal competence of the State itself. The implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation represents the actual embodiment of international obligations at the national level. An analysis of the wording of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation allows us to conclude that in this case a special reception of international legal provisions on responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare was carried out. The Russian Federation implements international norms in the field of countering war crimes by directly incorporating them into national criminal legislation.

Keywords: war crimes, the use of prohibited means and methods of warfare, international norms, implementation

For citation: Mironenko S. Yu. Implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 126–138. (In Russ.).

Введение

Являясь участником международных договоров, регулирующих борьбу с международными преступлениями, Российская Федерация должна добросовестно выполнять свои обязательства по этим договорам в соответствии с принципом « *Pacta sunt servanda*». Этот принцип изначально возник в обычном праве и был юридически закреплен в Венской конвенции о праве международных договоров в 1969 году. Согласно статье 26 этой Конвенции, «каждый действующий договор обязателен для его

участников и должен ими добросовестно выполняться» [1]. Аналогичная позиция закреплена в статье 26 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 мая 1986 года [2].

Однако принцип «*facta sunt servanda*» говорит о том, что государства в полном объеме и добросовестно должны выполнять международные обязательства, которые вытекают из признанных международных договоров. Поэтому необходимо обеспечить имплементацию таких норм во внутреннее законодательство государства.

Таким образом, при исследовании состава преступления применения запрещенных средств и методов ведения войны особое значение имеет вопрос имплементации международных норм в этой области в национальное уголовное законодательство Российской Федерации.

Считаем, что прежде всего необходимо более подробно изучить теоретические вопросы соотношения международного и национального уголовного права. Такой анализ поможет лучше понять содержание имплементации в национальное уголовное законодательство Российской Федерации международных норм, которые регламентируют ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Кроме того, такой анализ необходим еще и потому, что международные договоры обязывают государства принимать на национальном уровне соответствующие меры по адаптации своего внутреннего законодательства к выполнению международных договоров.

Основная часть

На основе анализа большого количества научной литературы, в которой рассматриваются вопросы соотношения международного и национального права, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, внутреннее уголовное право государства оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие принципов и норм международного права в сфере борьбы с международными преступлениями. Это связано с тем, что, вступая в определенные договорно-правовые отношения, государства в первую очередь руководствуются и действуют исходя из содержания своей национальной уголовной политики и собственного законодательства [3, с. 201–209]. Иными словами, если вновь введенная международно-правовая норма противоречит содержанию национальной уголовной политики или законодательства, государство не может принять на себя вытекающие из нее международные обязательства. В этом случае принуждение со стороны другого субъекта договорного правоотношения делает норму недействительной для принуждаемого государства. Это положение основано на положениях Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 мая 1986 года и Вен-

ской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Согласно ст. 52 настоящих конвенций, «договор является недействительным, если его заключение стало результатом угрозы силой или ее применения на нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций» [2].

С другой стороны, нельзя отрицать влияние международного уголовного права на национальное уголовное право. В принципе, международное уголовное право и национальное уголовное право неразрывно связаны и взаимодействуют друг с другом. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права» [4, с. 4].

Во-вторых, отдельные нормы международного уголовного права обладают особым правовым статусом по отношению к внутригосударственному правовому регулированию тех отношений, которые складываются внутри государства.

В-третьих, международное право и национальное законодательство являются неразрывными, но в то же время независимыми правовыми системами. Согласно ст. 11 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласие государств, связанных договором, может быть выражено путем подписания договора, обмена документами, составляющими договор, ратификации, принятия или признания договора, присоединения к договору или любым другим согласованным способом [1]. Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 установила: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [5].

Иные положения можно найти в конституциях других стран. Например, статья 151 Конституции Азербайджанской Республики 1995 года признает юридическую силу международных актов только для некоторых нормативно-правовых актов: «при возникновении противоречия между нормативными правовыми актами, входящими в систему законодательства Азербайджанской Республики (исключая Конституцию Азербайджанской Республики и акты, принятые путем референдума), и межгосударственными договорами, участницей которых является Азербайджанская Республика, применяются международные договоры» [6]. Иными словами, содержание данной нормы означает, что в случае коллизии между международным правовым актом и законом, принятым на референдуме или Конституцией, применяются положения последних.

Конституция Республики Беларусь 1994 года ограничивается только признанием приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечением соответствия им законодательства и не допускает заключения международных договоров, противоречащих Конституции (ст. 8 Конституции Республики Беларусь) [7].

В статье 6 Конституции Республики Армения 1995 года установлено, что заключенные от имени Республики Армения международные договоры применяются только после ратификации. Ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы Республики. Если в них установлены иные нормы, чем предусмотренные в законах, то применяются нормы договора [8].

В соответствии с § 25 Основного закона Федеративной Республики Германия 1949 года общепризнанные нормы международного права являются неотъемлемой частью федерального законодательства. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории [9].

Во Франции, согласно ст. 55 Конституции 1958 года, официально ратифицированные или одобренные договоры или соглашения имеют большую силу, чем национальные законы при условии применения такого договора другой стороной, с момента их обнародования [10].

Таким образом, можно констатировать, что государства, в соответствии с положениями своих «основных законов», обязуются выполнять свои международные обязательства.

Следует отметить, что определение порядка реализации международных обязательств является проявлением национального суверенитета и относится к внутренней компетенции самого государства. Таким образом, можно считать, что международное право требует его введения в национальное законодательство, но выбор законодательной техники для его введения находится в компетенции национального права каждого государства.

В международной практике существуют три основных механизма внедрения (введения в действие) норм международного права в рамках национального правопорядка: отсылка к международным актам, трансформация (имплементация) и рецепция. При этом нет необходимости утверждать превосходство или преимущество какого-либо из перечисленных способов инкорпорации международно-правовых норм во внутригосударственное право. Их использование определяется конкретными условиями правовой системы каждого государства и особенностями имплементируемых международных норм. Важно, чтобы государство применяло наиболее эффективные и соответствующие механизмы, обеспечивающие действенную реализацию международно-правовых обязательств на национальном уровне.

Механизм отсылки к нормам международного права используется в ситуациях, когда внутригосударственные законы или иные нормативные правовые акты при определении правового статуса, полномочий и поведения органов государственной власти, должностных лиц или граждан исходят из положений или отдельных норм международного права, рассматривая их в качестве уже установленных и обязатель-

ных предпосылок. Другими словами, национальное законодательство в своем содержании и регулировании соответствующих вопросов ориентируется, опирается или основывается на соответствующих нормах международного права. Таким образом, международно-правовые нормы выступают в качестве исходных, базовых положений, на которые непосредственно ссылается национальное законодательство при регламентации определенных общественных отношений [11].

Трансформация представляет собой процесс преобразования международно-правовой нормы в национальную правовую норму. Это достигается путем принятия специального закона или иного нормативно-правового акта национального законодательства, который регулирует те же вопросы, что и соответствующая норма международного права. В результате такой трансформации создается новая государственно-правовая норма, которая конкретизирует и адаптирует содержание исходной международно-правовой нормы к особенностям и специфике национального правопорядка [11, с. 228]. Таким образом, трансформация представляет собой механизм имплементации (реализации) норм международного права в национальное законодательство и правоприменительную практику, обеспечивая их действие на территории конкретного государства в соответствии с его правовыми традициями и потребностями.

Необходимо отметить, что в теоретических исследованиях недостаточно изучен вопрос трансформации международно-правовых норм. Данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных в общей теории права.

Особенно спорным является вопрос о точном содержании понятия «трансформация». Так, ряд юристов (Д.Б. Левин, Л.Х. Мингазов, Ю.Г. Ткаченко и др.) рассматривают трансформацию как средство приведения в действие норм международного права наряду с отсылкой и инкорпорацией. Л.Х. Мингазов устанавливает различные способы и средства имплементации в форме «отсылки, инкорпорации, трансформации» [12, с. 188]. Е.Т. Усенко характеризует трансформацию в широком смысле, как «объективное явление, выражающееся в различных способах выполнения государствами своих международных обязательств путем издания национальных правовых актов» [13, с. 16]. В то же время он трактует рецепцию и отсылку как один из видов трансформации. С.В. Черниченко определяет трансформацию как «способ применения норм международного права, обязательных для любого государства, в сфере его внутренней юрисдикции» [14, с. 48–52].

Непосредственная имплементация норм международного права на национальном уровне не может быть достигнута исключительно за счет усилий самого государства. Это обеспечивается комплексной и согласованной деятельностью различных субъектов национального правопорядка, организованной и регламентированной соответствующими властными актами и решениями государственных органов.

Иными словами, эффективная реализация международно-правовых норм на внутригосударственном уровне требует скоординированных действий целого ряда уполномоченных государственных институтов и должностных лиц, каждый из которых выполняет свою роль в процессе имплементации в соответствии с установленными процедурами и полномочиями. Только комплексный подход, сбалансированный механизм взаимодействия различных субъектов национального права, регулируемый и контролируемый государством, способен обеспечить надлежащее внедрение норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка.

В связи с этим наибольший интерес при рассмотрении вопросов имплементации договорных норм в сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества в уголовное законодательство Российской Федерации представляет рецепция. Преступления против мира и безопасности человечества появились в уголовном праве не путем отсылки или трансформации, а именно путем рецепции соответствующих международно-правовых норм. Рецепция представляет собой механизм непосредственного включения норм международного права в национальное законодательство без изменения их первоначального содержания. Этот процесс может происходить как в общей форме, применительно ко всему массиву международного права, так и в специальной форме, в отношении конкретных международно-правовых норм. Общая рецепция международного права нередко находит свое закрепление непосредственно в Конституции государства, где содержится положение о том, что нормы международного права являются неотъемлемой частью национального правопорядка.

Специальная рецепция происходит в случае, когда государство принимает специальный закон, вводящий в действие конкретный международный правовой акт. В результате такой процедуры нормы этого международно-правового акта становятся неотъемлемой частью внутригосударственного права государства, принявшего данный закон. Помимо этого, некоторые международные договоры могут действовать на территории государства автоматически, с момента их вступления в силу на международном уровне, то есть сразу после ратификации или подписания. Такие международные договоры принято называть «самоосуществимыми» [11, с. 227].

Чтобы положения международного договора были признаны «самоосуществимыми» нормами, их формулировки должны быть достаточно четкими и полными. Это означает, что положения международного договора должны непосредственно наделять правами и обязанностями государственные органы, юридических и физических лиц, участвующих в договоре, без необходимости вмешательства национального законодателя. Иными словами, для применения таких положений на национальном уровне не требуется дополнительного имплементирующего законодательства.

Возможность прямого применения международных норм внутри государства санкционируется национальным правом посредством актов, выражающих согласие

государства на обязательность для него международных договоров (например, ратификация, присоединение, утверждение и т.п.). Такие «самоосуществимые» международные акты не только санкционируют реализацию международно-правовых норм в межгосударственных отношениях, но и обеспечивают их непосредственное действие внутри государства. Тем не менее выражение согласия государства на обязательность международного договора не меняет основополагающую юридическую природу этих «самоосуществимых» международно-правовых норм. Такие нормы могут напрямую наделять государственные органы, юридических и физических лиц – участников договора соответствующими правами и обязанностями, без необходимости какого-либо дополнительного внутреннего нормотворчества со стороны государства. Таким образом, «самоосуществимые» международные договоры обеспечивают непосредственную реализацию международно-правовых предписаний в рамках национального правопорядка, минуя процедуру их имплементации путем принятия внутригосударственных нормативных актов.

Большая часть норм международного гуманитарного права являются «самоосуществимыми». Основные документы международного гуманитарного права, такие как Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года, содержат достаточно детализированные и точные положения (около 600 статей), которые могут быть непосредственно применены государственными органами и отдельными лицами. Это означает, что нормы международного гуманитарного права сформулированы настолько конкретно и детально, что их можно напрямую использовать в практической деятельности, без необходимости принятия дополнительного внутригосударственного законодательства для их реализации. Они являются готовыми к применению правилами, которые могут быть непосредственно использованы соответствующими субъектами (государственными органами, должностными лицами, военнослужащими и т.д.) в ходе вооруженных конфликтов.

Существуют также другие нормы международного гуманитарного права, реализация которых зависит от содействия со стороны национального законодательства и принятия соответствующих организационных мер государствами – участниками международных договоров. Этот принцип особенно четко выражен в статье 1, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны, которая устанавливает, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать и обеспечивать соблюдение данной Конвенции при любых обстоятельствах. Таким образом, наряду с «самоосуществимыми» нормами международного гуманитарного права существуют также положения, которые требуют принятия дополнительных мер национального уровня для их реализации. Государства – участники Женевских конвенций несут ответственность за обеспечение соблюдения этих норм международного гуманитарного права на своей территории и в рамках своей юрисдикции. Это обязательство значительно расширено статьей 80 Дополнительного протокола I:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, без промедления принимают все необходимые меры по выполнению обязательств, возлагаемых на них Конвенциями и настоящим Протоколом.

2. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, отдают приказы и распоряжения с целью обеспечения соблюдения Конвенций и настоящего Протокола и осуществляют контроль за их выполнением» [15, с. 259].

Подобные нормы содержатся и в статье 28 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года и в статье 14 Протокола II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 октября 1980 года.

Внутригосударственная система нормативного обеспечения имплементации (реализации) норм международного права в сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества включает в себя правовую основу для превращения в жизнь положений международного права на национальном уровне. Эта система включает в себя, во-первых, нормативно-правовые акты общего характера, регулирующие соотношение международного и внутригосударственного права Российской Федерации, порядок принятия, исполнения и денонсации международных договоров. Во-вторых, она включает в себя национальные правовые акты, специально принятые с целью обеспечения реализации конкретных международных обязательств, вытекающих из международных договоров в сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества. Таким образом, данная система нормативного обеспечения представляет собой правовую базу для воплощения в жизнь на территории Российской Федерации международно-правовых норм, направленных на борьбу с наиболее тяжкими преступлениями, затрагивающими основы мирового порядка.

В этой связи следует указать на Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020), который устанавливает порядок заключения, исполнения и прекращения действия международных договоров Российской Федерации с целью надлежащего обеспечения национальных интересов, осуществления целей, задач и принципов внешней политики Российской Федерации, закрепленных в Конституции и законодательстве Российской Федерации [16]. Настоящий Федеральный закон применяется в отношении международных договоров Российской Федерации (межгосударственных, межправительственных договоров и договоров межведомственного характера) независимо от их вида и наименования (договор, соглашение, конвенция, протокол, обмен письмами или нотами, иные виды и наименования международных договоров) (ч. 2 ст. 1).

Полномочия на ведение переговоров и на подписание международных договоров Российской Федерации предоставляются:

а) в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, – Президентом Российской Федерации, а в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, по вопросам, относящимся к ведению Правительства Российской Федерации, – Правительством Российской Федерации. Полномочия на ведение переговоров и на подписание указанных договоров оформляются от имени Президента Российской Федерации либо от имени Правительства Российской Федерации Министерством иностранных дел Российской Федерации;

б) в отношении договоров, заключаемых от имени Правительства Российской Федерации, – Правительством Российской Федерации. Полномочия на ведение переговоров и на подписание указанных договоров оформляются от имени Правительства Российской Федерации Министерством иностранных дел Российской Федерации;

в) в отношении договоров межведомственного характера – федеральным министром, руководителем иного федерального органа исполнительной власти или уполномоченной организации (ст. 13).

Согласие Российской Федерации на обязательность для нее международного договора может выражаться путем:

- подписания договора;
- обмена документами, образующими договор;
- ратификации договора;
- утверждения договора;
- принятия договора;
- присоединения к договору;
- применения любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны.

Решения о согласии на обязательность для Российской Федерации международных договоров принимаются органами государственной власти Российской Федерации или уполномоченными организациями в соответствии с их компетенцией, установленной Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, иными актами законодательства Российской Федерации (ст. 6).

Выводы

Таким образом, на основе анализа приведенных положений можно отметить, что имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации представляет собой фактическое воплощение международных обязательств на национальном уровне. Этот процесс осуществляется путем рецепции соответствующих международно-правовых норм в отечественное уголовное законодательство. Анализ редакции статьи 356 УК РФ позволяет сделать вывод, что в данном случае была проведена специальная рецепция международно-

правовых положений об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Это достигается посредством издания специального закона, вводящего в действие соответствующий международный акт на территории Российской Федерации. Таким образом, Российская Федерация имплементирует международные нормы в сфере противодействия военным преступлениям путем их непосредственного включения в национальное уголовное законодательство.

Наличие внутригосударственных механизмов реализации норм международного права, включая нормы международного гуманитарного права, позволяет Российской Федерации обеспечивать полное, всестороннее и своевременное выполнение международных обязательств, принятых на себя. От эффективности внутригосударственных механизмов имплементации во многом зависит репутация государства, действенность его правовой системы и способность гарантировать защиту прав человека в условиях вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера. Таким образом, наличие и надлежащее функционирование внутригосударственных механизмов по реализации норм международного права, в том числе гуманитарного, является ключевым фактором, обеспечивающим для Российской Федерации возможность полноценного выполнения взятых на себя международных обязательств. Это, в свою очередь, способствует укреплению международного авторитета и правовой системы страны, а также гарантии прав человека в ситуациях вооруженных конфликтов.

Список источников

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.). URL: <https://base.garant.ru/2540820/>.
2. Венская Конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986). URL: <https://base.garant.ru/2541089/>.
3. Панов В.П. Международное уголовное право: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 320 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ / отв. ред. А.И. Чучаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 813 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
6. Конституция Азербайджанской Республики 1995 года. URL: <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/>.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года. URL: <https://pravo.by/pravo-vaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.

8. Конституция Республики Армения 1995 года.
URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf.
9. Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 года. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>.
10. Конституция Французской Республики 1958 года. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>.
11. Курс международного права: Понятие и сущность современного международного права. В 6-ти томах. М.: Наука, 1967. Т. 1. 284 с.
12. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Казань: Изд-во КазГУ, 1990. 336 с.
13. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 11–18.
14. Черниченко С.В. Личность и международное право. М.: Международные отношения, 1974. 168 с.
15. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. 302 с.
16. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020). URL: <https://fzrf.su/zakon/o-mezhdunarodnyh-dogovorah-101-fz/>.

References

1. Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, May 23, 1969). URL: <https://base.garant.ru/2540820/>. (In Russian).
2. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations (Vienna, March 21, 1986). URL: <https://base.garant.ru/2541089/>. (In Russian).
3. Panov V.P. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: uchebnoe posobie* [International Criminal Law: Textbook]. Moscow, 1997. 320 p.
4. Chuchaev A.I. (ed.). *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii s postatejnymi raz'yasne-niyami Plenuma Verhovnogo Suda RF* [The Criminal Code of the Russian Federation with the article-by-article explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. Chuchaev. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 813 p.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (In Russian).
6. The Constitution of the Republic of Azerbaijan of 1995. URL: <https://min-com.gov.az/ru/view/pages/13/>. (In Russian).
7. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. (In Russian).

8. The Constitution of the Republic of Armenia of 1995. URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf. (In Russian).
9. The Basic Law of the Federal Republic of Germany of 1949. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>. (In Russian).
10. The Constitution of the French Republic of 1958. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>. (In Russian).
11. Kurs mezhdunarodnogo prava: Ponyatie i sushchnost' sovremennogo mezhdunarodnogo prava [International Law Course: The concept and essence of modern international law]. In 6 volumes. Moscow: Nauka Publ., 1967. Vol. 1. 284 p.
12. Mingazov L.H. Effektivnost' norm mezhdunarodnogo prava [The effectiveness of international law]. Kazan: KazGU Publishing House, 1990. 336 p.
13. Usenko E.T. Sootnoshenie i vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava i Rossijskaya Konstituciya [Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1995, no. 2, pp. 11–18.
14. Chernichenko S.V. Lichnost' i mezhdunarodnoe pravo [Personality and international law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974. 168 p.
15. The Geneva Conventions of 12 August 1949 and their Additional Protocols. 5th ed., supplement. 5th ed., add. Moscow: International Committee of the Red Cross Publ., 2011. 302 p. (In Russian).
16. Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation", dated 07/15/1995 N 101-FZ (as amended on 12/8/2020). URL: <https://fzrf.su/zakon/o-mezhdunarodnyh-dogovorah-101-fz/>. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

С.Ю. Мироненко – кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе Донбасского государственного университета юстиции (Донецк, Российская Федерация).

✉ mironenko-2009@mail.ru

S.Yu. Mironenko – Candidate of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Donbass State University of Justice (Donetsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 21.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 24.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.